

**ЕДИНОЖДЫ СОЛГАВШИЙ,
ИЛИ КАК НАМ ЛЮБИТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК**

Рец. на: *Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М. : Даниловский благовестник, 2010. – 93 с.;*
Ирзабеков В. Святая сила слова. Не предать родной язык. М. : Даниловский благовестник, 2011. – 176 с.

Natalia Dyachkova

**ONCE A LIAR, OR HOW WE SHOULD LOVE
THE RUSSIAN LANGUAGE**

Review of Irzabekov, V. (2010). *Tajna russkogo slova. Zametki nerusskogo cheloveka* [Secret of Russian word. Notes of non-Russian man]. 93 p. Moscow: Danilovskij blagovestnik; Irzabekov, V. (2011). *Svyataya sila slova. Ne predat' rodnoj yazyk* [Holy power of a word. Not to betray the native language]. 176 p. Moscow: Danilovskij blagovestnik.

The article analyzes books on the Russian language by V. Irzabekov which are supposed to count as popular scholarly literature. The author of the aforementioned books means to evoke love for the Russian language in the reader. However, the reviewer proves the pseudo-scholarly nature of the books and draws the reader's attention to the author's linguistic incompetence and the unethical character of his reasoning.

Keywords: V. Irzabekov; history of the Russian language; pseudoscience; falsification of meaning; Orthodox culture.

В статье анализируются книги В. Ирзабекова о русском языке, претендующие на статус научно-популярных. Их автор ставит своей целью возбудить в читателях любовь к русскому языку. Однако рецензент показывает псевдонаучный характер рассматриваемых произведений и обращает внимание читателей на лингвистическую некомпетентность автора и неэтичность его аргументации.

Ключевые слова: В. Ирзабеков, история русского языка, псевдонаучность, фальсификация смысла, православная культура.

О необходимости любить родной русский язык сказано очень много. При этом бесчисленное количество раз процитированы знаменитые слова И. С. Тургенева о великом и могучем русском языке, который дан великому народу. Однако признание за русским языком этих качеств не должно возбуждать в нас чувство самодовольства и презрения к языкам других народов. Тем не менее именно тезис о «великом и могучем» используют некоторые ревнители русского языка для своей пропаганды ксенофобии и ложного патриотизма. Правда, к этому тезису сегодня прибавлен еще один – о «сакральности» русского языка. Так, В. Д. Ирзабеков, автор популярных среди православного народа брошюр о «святой силе русского слова», говорит и пишет о том, что русский язык – это пятое Евангелие, что это самый лучший язык в мире. Он любит рассуждать о «богоносности русской нации», о необычайных достоинствах «природных русских», о том, что «изучающие русский язык лучше мыслят», а также о том, что есть «русские с нерусской душой» [Ирзабеков, 2010; 2011]. Из его лекции, прочитанной в духовно-просветительском центре Свято-Троицкой Сергиевой лавры, я узнала, например, что французский язык «очень уступает русскому», что на французском нельзя мыслить, а «можно только болтать». Французов же В. Д. Ирзабеков вообще называет французишками [Александр Семенович Шишков]. И такие лекции, как явствует из аннотаций к его книжкам, он читает в сотнях аудиторий [Ирзабеков, 2011, с. 2].

Издатели сообщают нам, что В. Д. Ирзабеков – исследователь русского языка, сам автор также постоянно подчеркивает, что он филолог. «В Баку <я> окончил Институт русского языка и литературы имени Ахундова. Поверьте, более глубокого и всестороннего изучения русского языка ни в одном другом вузе Советского Союза не было», – признается он [Православный азербайджанец].

На встречах с читателями В. Д. Ирзабеков говорит, что он много лет читает авторский курс «Русский язык как Евангелие». Но что значит «русский язык как Евангелие»? Если речь идет о том, что в русской языковой картине мира мы находим отражение евангельского учения, то с таким же успехом Евангелием можно назвать любой другой язык, носитель которого исповедовал христианство. Одной из важнейших функций языка является функция кумулятивная, иначе – накопительная, и любой язык является своеобразным «хранилищем» внеязыкового опыта того народа, которому принадлежит. Ярче всего кумулятивная функция проявляется на лексическом уровне языковой системы, потому что именно слова являются «ярлыками» предметов и явлений окружающего мира. Изучая историю слов и фразеологизмов, можно многое узнать о бытовой и духовной жизни народа. Этим занимается, в частности, лингвокультурология.

Свои популистские, изобилующие фактическими ошибками рассуждения о русском языке он использует для проповеди православного духовно-нравственного идеала. Однако не нами сказано: «Единожды солгавший, кто тебе поверит?»

Филолог В. Д. Ирзабеков не различает синхронию и диахронию, игнорирует явление многозначности, буквально толкует фразеологизмы, смешивает церковнославянский и русский языки; для оценки явлений современного русского языка использует словарь В. Даля; отождествляет орфографию и сам язык; последним словом в науке считает сочинение А. С. Шишкова «Славянорусский корнеслов».

Так, ссылаясь на авторитет Шишкова, В. Д. Ирзабеков утверждает, что этимология слова «человек» такова: *словек – цловек – чловек – человек*. «И дело не только в том, – завершает он свои рассуждения, – что таким образом подчеркивается главное отличие людей, как существ словесных, мыслящих словами, от всего живого, сотворенного Богом, но и в том, что Слово – это прежде всего имя Самого Бога!» [Ирзабеков, 2010]. Относиться к этимологическим разысканиям А. С. Шишкова нужно с большой осторожностью. Профессор А. М. Камчатнов в докладе «Невежество как добродетель, или “Славянорусский корнеслов”», прочитанном на XIX Международных Рождественских образовательных чтениях, отметил: «Во времена А. С. Шишкова такой науки, как историческая фонетика, еще попросту не существовало, поэтому ему нельзя поставить в упрек, что он в своих этимологических штудиях основывался на чисто внешнем и часто случайном сходстве в звучании слов разных языков; это был общий уровень науки конца XVIII – начала XIX века». Однако сегодня некоторые защитники русского языка используют авторитет адмирала Шишкова и авторитет науки в целом «для подтверждения своих безумных идей» [Камчатнов].

В этом докладе профессор А. М. Камчатнов подверг критике невежественного издателя книги А. С. Шишкова, который использовал добросовестные заблуждения последнего для своей антизападной пропаганды. Вот «примечания» этого издателя: «Продолжим размышлять, сравнивая наши слова с подобными им чужаками, и заметим впервые в своем языке слова-эмигранты. Когда-то они уехали, то есть были скопированы в инязы, пожили там вдоволь, а в эпоху мерзкого евро-подобострастия верхов наших вернулись домой. Вернулись сильно опущенными и обезображенными. Ведь католическая Европа тыщу лет исполняла Люциферу, своему просветителю – ангелу света, ораторию под визг и ор железных органов, чтоб поднять из мертвых свою веру. Однако наши просвещенные (инязами же) уши и умы, по сей день воспринимают чужаков многозначительнее родных слов-родителей. Отсюда и корень отечественной погибели: самые бредовые советы иностранцев выслушивают, как живую истину». Приводя эту цитату, А. М. Камчатнов заключает: «Такой же тошнотворной злобной галиматьей (прошу прощения за неакадемические выражения) являются и другие примечания Примечателя» [Там же].

Что касается научной этимологии слова «человек», то она такова: это слово общеславянского происхождения, оно возникло путем сло-

жения с помощью соединительной гласной **o** из **cel-* и **vekъ*, в котором первая часть имеет значение ‘член рода или семьи’, а вторая – ‘здоровье, сила’. Слово «человек» буквально означает ‘член рода или семьи, исполненный силы’ [Шанский, Боброва]. В пользу версии о том, что часть **vekъ* имеет значение ‘сила’, высказывается Макс Фасмер. Об этом, по мнению ученого, «может свидетельствовать диалектное “обезвекнуть”, то есть ‘ослабеть’» [Фасмер, с. 328]. В русском языке есть фразеологизм «заедать чужой век». В историко-этимологическом справочнике русской фразеологии сказано, что «фразеологизм связывают с комплексом верований, в соответствии с которыми поедание чужого куска хлеба равносильно присвоению чужих сил и здоровья. Слово “век” – из общеславянского **vekъ* ‘жизненная сила’» [Бирих, Мокиенко, Степанова, с. 70]. В «Истории слов» В. В. Виноградов писал: «Первоначальное значение у слова *selovekъ* предполагается ‘мужчина как член рода’. Это слово формировалось в период родовой организации. В это время человек мог быть только в составе своего рода, племени; вне его он не был “человек”, он был враг, он был беспомощен» [Виноградов]. Слово «человек», таким образом, уходит своими корнями в дохристианскую общеславянскую эпоху, так же, впрочем, как и слово «слово»; его этимологические родственники «слава», «слыть» [Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера].

Примеров народной, то есть ненаучной, этимологии очень много на страницах рецензируемых брошюр. Например: «Еще в детстве я слышал, что счастье – это “сейчас есть”» [Ирзабеков, 2011, с. 10]. В действительности же общеславянское слово «счастье» образовано от слова «чьясть» (оно писалось через букву «юс малый») с помощью приставки *съ-* в значении ‘хороший’ и суффикса *-ij-* и буквально означало ‘хорошая часть, доля’ [Шанский, Боброва].

Столь же некомпетентными являются суждения В. Д. Ирзабекова о фактах современного русского языка. На вопрос журналистки о том, часто ли он выступает в школах и о чем он там говорит, В. Д. Ирзабеков отвечает: «Скажем, привычное: “А я – учитель”. Ведь произносящие эти слова дерзают называть себя так, как ученики называли Самого Христа... <...> Нужно последовательно снимать со слов повседневный налет и показывать их истинный драгоценный смысл» [Ирзабеков, 2011, с. 14].

«Учитель» – слово многозначное. И те, кто говорит: «Я учитель», используют его в значении ‘тот, кто преподает какой-либо учебный предмет в школе; преподаватель’. В. Д. Ирзабеков имеет в виду значение ‘человек, обладающий высоким авторитетом для кого-либо в какой-либо области, имеющий последователей’ [Большой толковый словарь, с. 1411]. Что означает его призыв «снимать со слов повседневный налет и показывать их истинный драгоценный смысл»? Игнорировать факт многозначности этого слова и употреблять его только как имя Иисуса Христа?

В другом случае он призывает отказаться от «лукавой, большевистской традиции... эксплуатировать в своих идеологических целях слова и понятия, традиционно любимые русскими людьми, близкие и дорогие русскому сердцу: красно солнышко, красна девица, красный угол» [Ирзабеков, 2011, с. 78]. Однако большевики употребляли прилагательное «красный» в значении 'относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с советским строем, с Красной армией, крайний левый по политическим убеждениям; революционно настроенный'. Что же касается «красной девицы», то «красная» в этом, традиционно-поэтическом, употреблении значит 'красивая'. В словосочетании же «красный угол» прилагательное употреблено в значении 'парадный, почетный'. А в словосочетании «красно солнышко» реализуется народно-поэтическое значение 'ясный, яркий, светлый' [Большой толковый словарь, с. 467].

Несколько слов скажем об интерпретации автором фразеологизмов – устойчивых единиц языка, значение которых не выводится из значения составляющих их слов. Буквальное толкование фразеологизма, то есть разрушение его целостного смысла, может свидетельствовать либо о языковой игре (в этом случае это специальный прием, средство создания комического), либо о нарушении нормы литературного языка. В. Д. Ирзабеков сокрушается: «...мы утрачиваем это состояние (непрерывного диалога с Богом. – Н. Д.), отсюда и появляются такие речевые обороты, как “я не в духе”. А почему ты не в духе? <...> Для святых быть в духе – это нормальное состояние. А мы швыряемся такими словами и девальвируем высокие понятия» [Ирзабеков, 2011, с. 17].

Фразеологизм «не в духе» означает 'в плохом настроении' [Фразеологический словарь, 1986, с. 148]. Он не появляется, как думает автор, но существует в нашем языке как целостная лексическая единица. Например:

- «Не надо... я не то чтобы больна! А... так! *Не в духе!*.. все нейдет на лад, Что ни начну!..» (Лермонтов);
- «Карл Иванович был очень *не в духе*. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод...» (Л. Толстой) [Там же, с. 148].

Этимологически «[быть] в духе/не в духе» – выражения, берущие начало из библейского текста, как, впрочем, и сотни других фразеологизмов русского языка, например: *камень преткновения, в мгновение ока, внести свою лепту, терновый венец, лезть на рожон, гробы поваленные, знамение времени, краугольный камень, насущенный хлеб, соль земли, слуга двух господ, смертный грех, строить на песке, не хлебом единым, тьма кромешина, тяжелый крест* и многие др. Однако с точки зрения синхронии это не имеет никакого значения, и в приведенных выше примерах нет никакой «девальвации высокого понятия».

А вот еще пример буквального толкования фразеологизма. «Поразительно, – удивляется В. Д. Ирзабеков, – но мы совершенно

спокойно произносим фразы типа “избили друг друга” или же “оскорбили друг друга” Друг не может избить и оскорбить друга по определению. В противном случае один из них, а то и оба сразу же перестают быть друзьями [Ирзабеков, 2011, с. 78]. Оборот «друг друга» в современном русском языке означает ‘один другого’, ни о какой дружбе речь не идет. Более того, современное значение слова «другой» (‘не этот, не данный’) развилось именно в устойчивых оборотах «друг друга», «друг другу» [Шанский, Боброва].

По поводу фразеологизма «Фома неверный/неверующий», который означает ‘человек, которого трудно, невозможно заставить поверить чему-либо’ [Фразеологический словарь, 2001, с. 670], В. Д. Ирзабеков замечает: «...всегда болезненно отношусь к утвердившейся... традиции прибавлять к имени этого святого апостола обидную – если не оскорбительную – характеристику *неверующий*...». Фразеологизмы, как известно, не производятся, а *воспроизводятся*, поэтому, произнося «Фома неверный/неверующий», мы ничего не прибавляем – это целостная лексическая единица. А если говорить об истории этого фразеологизма, то можно напомнить автору, что эту якобы оскорбительную характеристику дал апостолу Фоме Сам Господь Наш Иисус Христос.

Исследователь не должен прибегать к уловкам и подтасовкам даже из самых благородных побуждений. Но именно так и поступает В. Д. Ирзабеков. Справедливо критикуя песенный «хит» «Все мы бабы – стервы» за его вульгарность, автор пишет: «Захотелось узнать – а что, собственно, означает слово, простите, стерва? <...> Полез, как водится, в словарь В. И. Даля» [Ирзабеков, 2011, с. 77]. В словаре В. И. Даля написано, что стерва – это «труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина, дохлятина...» [Даль, с. 323]. Ссылка на словарь Даля некорректна. Для оценки фактов современного русского языка нужно использовать нормативные словари. В Большом толковом словаре, в частности, сказано, что слово «стерва» является бранным и означает ‘бессовестная, нахальная женщина’ [Большой толковый словарь, с. 1267].

В. Д. Ирзабеков не различает церковнославянский и русский языки. Вот типичный пример его рассуждений: «Если слово “живот” еще несколько столетий назад в церковнославянском было именем Христа (“Я есть Живот, и Истина, и Жизнь”), то сегодня живот – это брюхо! “Какая житуха, если пустое брюхо?”» [Ирзабеков, 2011, с. 68]. Этот пример (заметим, кстати, что автор неверно цитирует Священное Писание) понадобился автору для рассуждений об «упадке» русского языка, его деградации. Но разве цель оправдывает средства? Во-первых, в церковнославянском языке слово «живот» многозначно, оно означает: 1) ‘жизнь’; 2) ‘Жизнь как именование Христа и Пресвятой Троицы’; 3) ‘земная жизнь, образ жизни’; 4) ‘пропитание, имущество’ [Седакова, с. 124]. Во-вторых, в современном русском языке тоже есть слово «живот» в значении ‘жизнь’. Именно слово,

а не значение, потому что в современном русском языке есть три омонима «живот»: «Живот 1 – ‘Часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения.’ Живот 2 – ‘Устар. = Жизнь (2 зн.).’ Живот 3 – ‘Устар. и нар.-разг. 1. Домашнее животное (обычно о лошади). 2. мн.: животы, -ов. Имущество, богатство’» [Большой толковый словарь, с. 305].

В. Д. Ирзабеков пишет: «Как часто слышим мы в чей-то адрес, что он, дескать, неверный муж, а кто-то выбрал в этой жизни неверный путь. Если же вслушаться, то неверный муж – это, прежде, неверующий человек, живущий не по-христиански. <...> ...Избравший неверный путь есть также уклонившийся от спасительного пути, иначе грешник. ...Быть верным – значит быть верующим во Христа! Не случайно в тексте Евангелия слова *неверный* и *развращенный* в речи Спасителя не просто соседствуют, но и звучат как суть синонимы: “о, род неверный и развращенный, доколе буду с вами?”» [Ирзабеков, 2011, с. 88].

На самом деле слова «неверный» и «развращенный» в церковнославянском языке, вопреки утверждению В. Д. Ирзабекова, отнюдь не синонимы. В церковнославянском «неверный» – это ‘не имеющий веры’, а в русском – ‘изменяющий своему долгу’ (муж) или ‘неправильный’ (путь). «Развращенный» в церковнославянском – ‘превратный’, а в русском – ‘развратный, нравственно испорченный’¹.

Так же неверно объясняет автор смысл выражения «яко Начальника тишины родила еси». Под словом «тишина» он понимает ‘отсутствие звуков, говора, шума; безмолвие, молчание’ [Там же, с. 16]. Слово «тишина» в церковнославянском языке, по данным О. А. Седаковой, означает: ‘морской штиль, спокойствие’, а слово «начальник» – ‘начинатель, владыка’ [Седакова, с. 357, 191]. «Начальник тишины» – это буквально ‘владыка морского штиля, начинатель спокойствия’. Очевидно, что это поэтическая метафора, каких много в языке молитв.

От подобных смысловых иллюзий предостерегает О. А. Седакова (автор словаря церковнославянорусских паронимов). Так, слово «озлобленный» в церковнославянском языке означает ‘обиженный’, а в русском – ‘обозлившийся»; слово «непостоянный» в церковнославянском означает ‘невыносимый’, ‘нестерпимый’, ‘неодолимый’, а в русском языке – ‘переменчивый’, ‘неустойчивый’. Глагол «требовать» в русском языке – это ‘решительно просить’, а в церковнославянском – ‘сильно нуждаться’ [Там же, с. 7].

В. Д. Ирзабеков отождествляет язык и правописание. На некорректный вопрос журналистки «как вы отнеслись к реформам русского языка, которые совсем недавно были приняты?», он отвечает: «Плохо, очень плохо отнесся... Это продолжение большевистской

¹ См.: верный, верующий [Большой толковый словарь, с. 119, 120], неверный, неверующий [Там же, с. 614], развращенный, развратный [Там же, с. 1064]; вѣрный, невѣрный, развращенный [Седакова, с. 101, 194, 294].

линии в отношении русского языка. Эти новшества коверкают и уродуют русскую речь. А русское слово – сакрально! С ним нельзя вот так вот вольно обращаться...» [Ирзабеков, 2011, с. 75]. В диалоге речь идет о проекте реформы орфографии. Какой бы ни была судьба этого проекта, как можно говорить о том, что орфография уродует русскую речь? И разве пострадает «сакральность русского слова» от того, что слово парашЮт мы станем писать так: парашУт?

Председатель Орфографической комиссии РАН В. В. Лопатин так разъяснял суть реформы: «Предлагаются отдельные изменения, в основном касающиеся... слитных, отдельных и дефисных написаний и... употребления прописных и строчных букв; устраняются некоторые исключения» [Лопатин]. А вот мнение М. А. Кронгауза: «Я уверен, что проведение реформы, если она состоится, ни для кого не будет катастрофой (просто в силу незначительности изменений). И все же... Короче говоря, я за парашЮт. И, как говаривал герой одного фильма, делайте со мной что хотите» [Кронгауз]. Так рассуждают профессиональные лингвисты, которые отличают язык от правописания, а объективную оценку событий – от собственных вкусовых предпочтений.

Стоит, наверное, упомянуть и о том, как трактует В. Д. Ирзабеков природу обценной лексики. По твердому убеждению автора, мат имеет тюркское происхождение [Ирзабеков, 2011, с. 31]. Однако предположение о том, что у русского мата тюркские корни, уже давно отвергнуто историками языка. Б. А. Успенский в работе «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» показывает, что матерная лексика имеет общеславянскую природу, что мат возник в дохристианскую эпоху, что матерная брань имела в языческом мире культовые функции и что объект действия в матерном выражении был связан с культом Матери Земли. С приходом христианства эта лексика подверглась табуированию [Успенский, с. 53–128].

А можно ли всерьез относиться к таким, например, высказываниям филолога? «Мне сказали: ты, мол, пишешь, доказываешь, что исконно русские слова – христианские, новозаветные. Однако Русь крестилась лишь в десятом веке... А язык-то существовал и до этого! Как такое может быть? Иногда мне задают такие вопросы. Я его и сам себе тысячу раз задавал. Господь меня утешил... Мне знаете, что помогло? Публикация из журнала “Вокруг света”... Речь в статье шла о найденных археологами зернах пшеницы, пролежавших в запечатанном глиняном сосуде очень долго, чуть не тысячу лет. Зерна были высеяны и, получив солнечный свет и тепло, проросли. Так вот в чем дело: изначально эти слова были даны формирующейся русской нации для будущей жизни. Какое-то время они служили, не обнаруживая своей истинной красоты. <...> Нужно было солнце, тепло. Этим светом стала христианская вера. И тогда все они обрели свой глубинный смысл. Как те зерна, они проросли, поэтому в Евангелии Христос и называется также Светом» [Ирзабеков, 2011, с. 67]. Красиво сказано, однако

вряд ли автор рискнет выступить с подобной аргументацией перед профессиональными историками языка.

К сожалению, это далеко не полный перечень благоглупостей, с помощью которых филолог В. Д. Ирзабеков пытается пробудить в читателях и слушателях любовь к русскому языку и православию.

Исчерпывающую характеристику подобным «исследованиям» дает академик А. А. Зализняк. В статье «О профессиональной и любительской лингвистике» ученый, в частности, пишет, что сегодня «приходится сталкиваться с такой любительской лингвистикой, которая пронизана стремлением обосновать некую более общую идею» [Зализняк]. В нашем случае такой идеей является идея защиты святого русского языка от внешних врагов, которые хотят «перекроить наш русский кафтан на западный фасон» [Ирзабеков, 2011, с. 27]. Под благовидным предлогом «защиты святого русского языка» и от имени православия проповедуются ксенофобия и ложный патриотизм.

Русский язык не нуждается в защитниках, которые пользуются лукавыми приемами, пусть и из самых благородных побуждений, а свои дилетантские суждения о языке сопровождают ссылками на Священное Писание. И вообще язык не нуждается ни в чьей защите, а вот мы все – нуждаемся. От кого? От тех, кто нарушает этические и собственно языковые нормы (орфоэпические, акцентологические, лексические, стилистические, грамматические, орфографические и пунктуационные). А еще мы нуждаемся в защите от навязывания нам антинаучных и антиправославных по своей сути взглядов.

Александр Семенович Шишков – патриарх русской словесности: [видеозапись] / фильм-лекция с уч. Ирзабекова В. Д.; студия «Обитель» Троице-Сергиевой лавры [Электронный ресурс]. URL: [http://yandex.ru/video/#!/video/search?filmId=R_WGCCLN8gE&text=Шишков – патриарх русской словесности&_id=1413956496609](http://yandex.ru/video/#!/video/search?filmId=R_WGCCLN8gE&text=Шишков - патриарх русской словесности&_id=1413956496609) (дата обращения: 22.10.2014).

Бирix А. К., Мокшeнко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 2001. 704 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

Виноградов В. В. История слов [Электронный ресурс] // Академик.ru: [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/813/ЧЕЛОВЕК> (дата обращения: 22.10.2014).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Русский язык, 1980. Т. 4. 684 с.

Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. № 1. 2009. URL: <http://elementy.ru/lib/430720> (дата обращения: 22.10.2014).

Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М. : Даниловский благовестник, 2010. 93 с.

Ирзабеков В. Святая сила слова. Не предать родной язык. М. : Даниловский благовестник, 2011. 176 с.

Камчатнов А. М. Невежество как добродетель, или «Славянорусский корнеслов» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbm9mZnZnDoxMDM5ZGIzNDNmOTcxZjQ0> (дата обращения: 22.10.2014).

Кронгауз М. Жить по «правилам», или Право на старописание [Электронный

ресурс] // Новый мир. 2001. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2001/8/krong.html (дата обращения: 22.10.2014).

Лопатин В. Русская орфография: задачи корректировки [Электронный ресурс] // Новый мир. 2001. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2001/5/lopatin.html (дата обращения: 22.10.2014).

Православный азербайджанец Фазиль Ирзабеков потрясает Россию! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trend.az/life/socium/1850868.html> (дата обращения: 22.10.2014).

Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославянорусские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии [Электронный ресурс] // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Mat-3.html> (дата обращения: 22.10.2014).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1973. 856 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М.: АСТ: Астрель, 2001. 720 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 544 с.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004 [Электронный ресурс] // Академик.ru: [сайт]. URL: <http://etymological.academic.ru/5950> (дата обращения: 22.10.2014).

Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера // Академик.ru [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/47711/слыть> (дата обращения: 22.10.2014).

Aleksandr Semenovich Shishkov – patriarch russkoj slovesnosti. Fil'm-lekcija s uchastiem V. D. Irzabekova; studiya "Obitel'" Troice-Sergievoj lavry' [Aleksandr Semenovich Shishkov – patriarch of Russian literature. Film-lecture with the participation of V. D. Irzabekov; Studio "Obitel'" of Trinity Lavra of St. Sergius]. [Video file]. Retrieved from http://yandex.ru/video/#/video/search?filmId=R_WGCCLN8gE&text=Шишков – патриарх русской словесности&_id=1413956496609

Birih, A. K., Mokienko, V. M. & Stepanova, L. I. (2001). *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologičeskij spravocnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. St. Petersburg: Folio-Press.

Dal', V. I. (1980). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogoazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. (Vols. 1–4). (Vol. 4). Moscow: Russkijazyk.

E'timologičeskij slovar' russkogoazyka Maksa Fasmera [Max Fasmer Etymological dictionary of the Russian dictionary]. Retrieved from <http://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/47711/слыть>

Fasmer, M. (1973). *E'timologičeskij slovar' russkogoazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language]. (Vols. 1–4). (Vol. 4). Moscow: Progress.

Fedorov, A. I. (Comp.). (2001). *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogoazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow: AST: Astrel'.

Irzabekov, V. (2010). *Tajna russkogo slova. Zametki nerusskogo čeloveka* [Secret of Russian word. Notes of non-Russian man]. Moscow: Danilovskij blagovestnik.

Irzabekov, V. (2011). *Svyataya sila slova. Ne predat' rodnojazyk'* [Holy power of a word. Not to betray the native language]. Moscow: Danilovskij blagovestnik.

Kamchatnov, A. M. (n. d.). *Nevezhestvo kak dobrodetel', ili "Slavyanorusskij korneslov"* [Ignorance as a virtue, or "Slavic Russian etymological dictionary"]. Retrieved from <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbnxrYWV1jaGF0bm9mZnxneDoxMDM5ZGZzNDNmOTcxZjQ0>

Krongauz, M. (2001). Zhit' po "pravilam", ili Pravo na staropisanie [To live according to the "rules" or the right to old writing]. *Novyj mir*, 8. Retrieved from http://magazines.russ.ru/novyj_mir/2001/8/krong.html

Kuznecov, S. A. (Comp., Ed.). (1998). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogoazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

Lopatin, V. (2001). Russkaya orfografiya: zadachi korrekcirovki [Russian spelling: the tasks of correcting]. *Novyj mir*, 5. Retrieved from http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2001/5/lopatin.html

Molotov, A. I. (1986). *Frazeologičeskij slovar' russkogo yazy'ka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazy'k.

Pravoslavnyj azerbajdzhanec Fazil' Irzabekov potrysaet Rossiyu! [Orthodox Azerbaijani Fazil Irzabekov amazes Russia!]. Retrieved from <http://www.trend.az/life/socium/1850868.html>

Sedakova, O. A. (2008). *Slovar' trudny'h slov iz bogosluzheniya: Cerkovnoslavjano-russkie paronimy'* [Dictionary of difficult words from divine service: church Slavic-Russian paronyms]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina.

Shanskij, N. M. & Bobrova, T. A. (2004). *Škol'nyj e'timologičeskij slovar' russkogo yazy'ka. Proishozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language. Origin of the words]. Moscow: Drofa. Retrieved from <http://etymological.academic.ru/5950>

Uspenskij, B. A. (1994). Mifologičeskij aspekt russkoj e'kspressivnoj frazeologii [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. In Uspenskij, B. A. *Izbranny'e trudy'*. (Vol. 2, pp. 53–128). Moscow: Gnozis. Retrieved from <http://ec-dejavu.ru/m-2/Mat-3.html>

Vinogradov, V. V. (n. d.). *Istoriya slov* [History of words]. Retrieved from <http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/813/ЧЕЛЮБЕК>

Zaliznyak, A. A. (2009). O professional'noj i lyubitel'skoj lingvistike [On professional and amateur linguistics]. *Nauka i zhizn'*, 1. Retrieved from <http://elementy.ru/lib/430720>

The article was submitted on 12.09.2014

Наталья Александровна Дьячкова
профессор
Россия
Миссионерский институт
natalya@olympus.ru

Natalia Dyachkova
Professor
Россия
Missionerskij institut
natalya@olympus.ru